

В этот день Кошун пришел в первую ночную вахту (с семи до девяти часов вечера).

"Нечасто вы обращаетесь ко мне с просьбой", - сказал Кошун буднично, без тени улыбки. "Вас что-то беспокоит?"

"Я хочу узнать имя евнуха, который когда-то работал во дворце Хиен во время правления предыдущего императора и был казнен. Он был из племени хатан и был еще ребенком. А также, остались ли здесь евнухи, работавшие в то время?"

лаконично заявила Дзюсэцу. Кошун не стал допытываться у нее, а посмотрел на стоявшего позади него И Сэй. И Сэй, обладатель самого красивого лица среди евнухов, тут же ответил: "Я попрошу тех, кто служит в Бюро дворцовых слуг, проверить реестр". Однако его мгновенный взгляд, направленный на Дзюсэцу, ясно говорил: "Хватит причинять неудобства Дацзя". Дзюсэцу отвернулась и проигнорировала его.

"В моем дворце тоже есть молодые хатанские евнухи. Многие представители этого племени становятся евнухами в юном возрасте".

"Скорее всего, это связано с уменьшением числа ртов, которые нужно кормить".

"Это тоже причина, но..." Кошун засомневался в своих словах, что было для него необычно, и выглядел несколько обеспокоенным.

"В чем дело?"

Кошун не ответил, и Дзюсэцу посмотрела на И Сэя. Тот открыл рот с неохотой. "Их можно продать по высокой цене".

"Продать? Значит ли это, что их покупает императорский двор?"

"Их покупают брокеры. А потом их покупают управители-стервятники - те, кто отвечает за допуск евнухов во внутренний дворец. Чем выше качество, тем выше цена, и это касается и маленьких детей. Потому что воспитание с раннего возраста укрепляет их верность. Красивый ребенок стоит дороже всего. Многие супруги предпочитают именно таких евнухов".

Объяснив это, И Сэй холодно сказал: "Если эти слова вульгарны, то я прошу прощения у Дацзя и госпожи Вороны за то, что запятнал ваши уши".

"Тот, кто поднял эту тему, был этот человек".

И Сэй поднял брови, заметив, что она назвала Кошуна "этим человеком". Так как это могло стать причиной беспокойства, Дзюсэцу перевела разговор на Кошуна.

"Это норма - использовать розги при обучении новых евнухов?"

"Ты видел?" переспросил Кошун. Дзюсэцу кивнула.

"...Это делает учитель", - тон Кошуна был тяжелым. Он никогда не был разговорчивым человеком, но, возможно, и эта тема была для него тяжелой.

"Такая практика не заслуживает одобрения. Чтобы несколько взрослых удерживали маленького ребенка и наказывали его подобным образом..."

"Дзюсэцу."

Кошун прервал ее. Дзюсэцу прервала свои слова. Ей всегда было странно, когда Кошун называл ее по имени. В его голосе было тихое тепло, как в тонком солнечном свете зимой.

"Не стоит вдаваться в подробности в присутствии евнуха".

Дзюсэцу перевела взгляд на И Сэя. И Сэй слабо улыбнулся, опустив глаза. "Я в полном порядке, Дацзя. Пожалуйста, не беспокойтесь обо мне".

Дзюсэцу наблюдала за его выражением лица. --И Сэй был человеком, который, скорее всего, тоже терпел жестокие побои. До такой степени, что он и вспоминать о них не хотел.

"...Мои извинения".

Когда она извинилась, И Сэй удивленно расширил глаза, а затем выглядел несколько раздосадованным.

"Неужели во дворце Хиен появился призрак евнуха?"

тихо спросила Кошун. Иногда ей казалось, что голос этого человека слишком тихий. В нем была тишина и мягкость, не свойственные императору. Его мужественное лицо было резким и склонным к холодности, но взгляд был спокойным, а осанка - зрелой.

Дзюсэцу знала, что за его спокойствием скрывается холодное пламя ненависти, но внешне это никак не проявлялось.

"Он - ребенок Хатан. В его руке перо синей ласточки".

"Голубая ласточка, да. Они удивительно красивы даже среди всех птиц, которых можно увидеть во внутреннем дворце. Я видел, что супруги иногда используют их перья в качестве

украшений для волос или пояса".

"Значит, даже ты обращаешь внимание на женские украшения".

удивленно сказала она, так как предполагала, что он - человек необщительный, мало интересующийся любовными делами и чувственными удовольствиями. "Наверное, да", - неопределенно ответил Кошун.

Вдалеке слышались голоса ночных сторожей, сообщавших время. Кошун встал. Казалось, что он возвращается на ночь.

"Одна из супружниц заболела. Я собираюсь навестить ее".

"Нет необходимости говорить мне, куда ты идешь".

"Поскольку ты так редко приглашаешь меня, мне было неловко, что я не задержался".

"Я позвала вас сюда только потому, что вы мне понадобились. Мне не нужно, чтобы вы здесь задерживались".

"Я хотел поговорить с вами. Потому что мы друзья".

"--"

Дзюсэцу не мог ланайти слов, чтобы ответить Кошуну, который говорил серьезно. Его взгляд был настолько искренним, что она даже не смогла вымолвить что-то нелицеприятное в ответ.

"...Я не очень хорошо понимаю, что такое друг".

"Неужели? Я такой же."

Кошун спокойно отреагировал на позорное признание Дзюсэцу.

"Если мы с тобой оба не очень хорошо это понимаем, то нам остается только идти навстречу друг другу и вместе искать ответы".

Кошун достал из кармана парчовый мешочек и вложил его в руку Дзюсэцу. Когда она открыла мешочек, от него исходил слабый сладкий запах. В мешочке лежали засахаренные семена лотоса мицзянь лянцзы. Дзюсэцу впиалась взглядом в семена лотоса, покрытые тонким слоем сахара.

"Сейчас я лучше всего знаю о тебе, наверное, твои любимые блюда".

Семена лотоса были любимыми блюдами Дзюсэцу. Кроме них, Кошун почти каждый раз приносил и другие закуски: сухофрукты, конфеты и булочки на пару. Все они были удивительно вкусными.

Дзюсэцу пристально посмотрела на Кошуна, прижимая мешочек к груди.

"Ты думаешь, что сможешь завоевать мое расположение только едой?"

"Я просто хочу увидеть счастливое лицо моего друга".

"..."

Он действительно думал так от чистого сердца, или это была просто шутка - нет, с Кошуном шутить было нельзя. Дзюсэцу отвела взгляд от ощущения, что не знает, что с собой делать. Она не могла направлять свои чувства так же прямолинейно, как Кошун.

Дзюсэцу была пленницей дворца Ямэй. Но Кошун был другой. Причина ее заточения заключалась в императоре - Летнем короле, Кошун.

Летний король и Зимний король. Летний король не мог существовать без Зимнего короля. Существование двух королей было погребено глубоко в недрах истории. Один из них был императором, а другой - Супругом Ворона. Бывший Зимний король, Супруга Ворона, тихо жила во внутреннем дворце, чтобы сделать императора императором.

Когда она оказывалась лицом к лицу с Кошуном, в ней поднимались чувства, которые нельзя было назвать ни гневом, ни покорностью по отношению к этому неразумному поступку.

Но именно Кошун попытался прижаться к боли Дзюсэцу. Он протянул ей руку, и она взяла ее.

Для Дзюсэцу это было единственным спасением. Это был свет.

Прикусив губу, она посмотрела на Кошуна.

"...Я не знаю, что сделает тебя счастливым".

"Меня?"

Глаза Кошуна слегка расширились, как будто он был удивлен словами Дзюсэцу. Его выражение лица редко менялось.

"Нет ничего особенного, что делало бы меня счастливым", - ответил Кошун, подумав об этом слишком серьезно. "Я стремился к достижению своих целей, но теперь не уверен, что знаю".

Наверное, это и были его истинные чувства. Он жил, не испытывая ни радости, ни удовольствия. Все для того, чтобы не показать слабость вдовствующей императрице. Однако вдовствующей императрицы больше не было на свете.

"...Ты выглядел счастливым, когда разделял птицу".

Кошун хорошо владел своими руками и умел вырезать. В детстве его научил этому евнух, которого он любил.

"Неужели?" Кошун погладил пальцами подбородок, погрузившись в раздумья. "Да, наверное, так и было. --Ты научил меня кое-чему новому".

Кошун негромко рассмеялся. Это было редкостью. --Он мог чувствовать себя "счастливым" прямо сейчас.

"Я навещу вас еще раз. Что касается евнуха из дворца Хиен, то я пошлю к нему гонца, как только что-нибудь узнаю", - сказал Кошун и вышел из дворца. Снаружи на коленях стояло около дюжины евнухов. Обычно, приезжая во дворец Ямэй, он брал с собой в качестве сопровождающего только И Сэя, но сегодня, видимо, привел столько, потому что собирался навестить еще одну супругу.

И Сэй должен был последовать за Кошуном, когда тот спускался по ступеням, но вместо этого он быстро вернулся к Дзюсэцу и прошептал ей.

"Госпожа Ворона, похоже, что вы беспокоитесь об избитом евнухе, но, пожалуйста, оставьте это".

"Что?"

"Если вы не готовы взять на себя ответственность за будущее этого евнуха, то даже не думайте помогать ему. --Это плохо кончится для евнуха".

быстро сказал Сей и, как всегда, тенью последовал за Кошуном. Дзюсэцу не отходила от дверей, некоторое время наблюдая за их спинами.

В час Дракона (около 7-9 часов утра) на следующее утро во дворец Ямэй явился гонец Кошуна. Это был Онкэй.

"Мне доверили письмо от аттенданта И. Это список евнухов дворца Хиен во время правления

предыдущего императора".

Когда она открыла письмо, перед ней предстал список имен, выстроенных аккуратными мазками. Похоже, что И Сэй скопировала реестр имен. Иероглифы проступали, но даже толщина чернил была неизменной, ни светлой, ни темной, что говорило о его характере.

"Похоже, что слова, написанные под именами, - это то место, где они сейчас работают".

"Понятно". Конечно, под каждым именем были написаны такие места, как "Дворец Хаккаку" и "Министерство внутренних дел".

"Евнух, которого казнили, был..."

<http://tl.rulate.ru/book/80038/3130489>